

[Рец. на: / Review of:] **Sh. Ido, B. Mahmoodi-Bakhtiari (eds.). *Tajik Linguistics***. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023. viii + 407 pp. (The Companions of Iranian Languages and Linguistics, 3.) ISBN 9783110622799.

Артём Олегович Бадеев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Рос-
сия; badeev@iling-ran.ru

Artyom O. Badeev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sci-
ences, Moscow, Russia; HSE University, Moscow,
Russia; badeev@iling-ran.ru

Олег Игоревич Беляев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Московский государственный университет име-
ни М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
belyaev@iling-ran.ru

Oleg I. Belyaev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sci-
ences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia; belyaev@iling-ran.ru

Юрий Юрьевич Макаров

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Кембриджский университет, Кембридж, Велико-
британия; yurmak@iling-ran.ru

Yury Makarov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sci-
ences, Moscow, Russia; HSE University, Moscow,
Russia; University of Cambridge, Cambridge, UK;
yurmak@iling-ran.ru

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-034 «Полевые и корпусные исследования языков шугнано-рушанской группы») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant No. 22-00-034 ‘Field and Corpus Research on the Languages of the Shughni-Rushani Group’).

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.165-180

Рецензия посвящена сборнику «*Tajik Linguistics*», третьему тому серии «The Companions of Iranian Languages and Linguistics» издательства De Gruyter Mouton. Редакторами сборника выступили доцент Нагойского университета Синдзи Идо (Shinji Ido), известный по работам по фонологии иранских языков, прежде всего разновидностей таджикского, и доцент Тегеранского университета Бехруз Махмуди-Бахтияри (Behrooz Mahmoodi-Bakhtiari), специалист по персидскому языку. Какое-либо вступительное или заключительное сообщение в самой книге отсутствует, что нельзя назвать преимуществом; единственным способом узнать авторскую концепцию является аннотация на сайте¹ издательства. В упомянутой аннотации заявляется, что сборник «*Tajik Linguistics*» демонстрирует новейшие достижения таджикской лингвистики (“represents the state of the art of Tajik linguistics underrepresented in Western scholarship”) и исчерпывающе описывает таджикский язык (“comprehensively describes the Tajik language”).²

¹ <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110622799/html>.

² Из похожих изданий можно было бы выделить сборники [Owens 2013; Sedighi, Shabani-Jadidi 2018; Ryding, Wilmsen 2021]. Рецензируемая книга, однако, является первой такого рода работой, посвященной именно таджикскому языку.

В нашей рецензии мы попытались оценить, насколько эти утверждения соответствуют действительности. Ниже следуют описания каждой из глав сборника; где уместно, приводится критика.

В главе 1 «How Tajik was made into a national language» Луц Жехак (Lutz Rzehak) на материале нескольких ключевых первоисточников описывает историю возникновения понятия «таджикский язык» и становление этого языка как национального в советском Таджикистане. Среди этих источников — газеты «Шӯълаи инкилоб»³ (Пламя революции), «Овози тоҷик» (Таджикский голос), а также отдельные записи современников.

Глава делится на две части самим автором, что структурно соответствует делению на периоды до и после возникновения феномена таджикского национального сознания. В первой части «Language and revolution» автор характеризует существующие в Туркестане на 1918 г. идентичности (этнические, религиозные, национальные), описывает традиционную для этого региона ситуацию многоязычия, анализирует роль туркестанских иранцев (*эроний*) в формировании идентичности персоязычного населения в регионе и провале проекта «персидской нации» в Туркестане. В ситуации, когда несколько национальных проектов конкурировали в одной советской республике, узбекский проект, подогреваемый идеями пантюркизма, оказался более привлекательным и успешным в глазах партийных элит. Это же обусловило отказ от персидской автономии и даже запрет на использование персидского языка в администрации.

Вторая часть, озаглавленная «Tajik emancipation», посвящена конструированию таджикской нации после 1924 г. Автор на материале некоторых первоисточников, таких как статьи из газеты «Овози тоҷик», отрывки из антологии «Намунаи адабиёти тоҷик 300–1200 хичрӣ» (Примеры таджикской литературы, 300–1200 гг. по хиджре) за авторством Садриддина Айни показывает этапы возникновения таких терминов, как «таджикский язык» и «таджикская нация». Феномен таджикской нации стал возможен не в последнюю очередь благодаря образованию таджикской автономии в горных и преимущественно ираноязычных областях советского Туркестана.

Таджикский язык возник сначала как «народный язык» в противопоставление персидскому как языку администрации и культуры, на что указывает Л. Жехак, приводя отрывки из программных статей Айни. Однако скорое становление таджикского как государственного потребовало восприятия им (несомненно элитарной) персидской литературы и культуры для национального строительства. Автор анализирует эту метаморфозу, прибегая к формулировке «сегрегация истории по национальному признаку» (с. 35), то есть речь идет о легитимации проекта таджикской нации при помощи конструирования истории.

Л. Жехак в своей главе дает содержательный социолингвистический анализ языковой ситуации в советском Туркестане, что является безусловным достоинством работы. Он показывает, что существование таджикского языка и таджикской нации не было предопределено, но стало возможным в результате выигрышного проекта, над которым трудились небезызвестные интеллектуалы, такие как Садриддин Айни и Саидризо Ализода. Автор подходит к нации как к конструкту, который возникает в процессе создания государства и государственного языка: «Создание Таджикистана было не следствием таджикского национализма, а причиной его зарождения»⁴ (с. 32). Автор придерживается сложившегося в социальных науках понятийного аппарата социального конструктивизма и стремится к достаточно строгому научному подходу. Мы бы хотели порекомендовать читателю эту главу, с одной стороны, за ее социолингвистический обзор, с другой — за детальный анализ одного из не очень известных эпизодов национального строительства в ранние советские годы.

³ Авторская транслитерация персидской/таджикской терминологии унифицирована в соответствии с нормами правописания таджикского языка.

⁴ “The creation of Tajikistan was not a consequence of Tajik nationalism, but its birth”.

Глава 2 за авторством Синдзи Идо озаглавлена «Standard Tajik phonology». Содержательно в ней можно выделить три составляющих. В первой дается базовая информация о таджикском языке, его диалектном членении, а также подробно описываются кодификационные процессы начала XX в. В следующей обсуждаются вопросы фонемного состава таджикского языка; Идо описывает собственный корпус записей таджикской речи, на котором строятся его дальнейшие выводы, подробно рассматривает таджикский литературный вокализм и его историю, а в завершение уделяет несколько страниц обсуждению фонематического статуса некоторых маргинальных консонантных сегментов (/ʈ ʒ ʔ ɛ/) и приводит данные, касающиеся времени начала фонации (voice onset time; VOT). Наконец, кратко описывается интонационное оформление некоторых конструкций (общие вопросы типа *Навишт?* 'Написал(а/о)?' и специальные типа *Кӣ Сӯхробро кушт?* 'Кто убил Сухроба?'; утверждения типа *Навишт*. 'Написал(а/о)' и *Рустам Сӯхробро кушт*. 'Рустам убил Сухроба'). Организация текста такова, что крупные тематические блоки делятся на мелкие подразделы, а в конце некоторых из них приведен краткий пересказ содержания, что способствует легкому пониманию круга обсуждаемых вопросов.

Автор заявляет в аннотации (с. 45–46), что целью главы является описание прежде всего фонемного состава и аллофонического варьирования фонем литературного таджикского; просодические единицы и интонация подробно не рассматриваются. Идо обещает «примирить» противоречия, имеющие место в литературе, посвященной таджикской фонологии, и показать, что на самом деле эти противоречия отчасти объясняются фонетическими изменениями, которые произошли в литературном таджикском с момента его возникновения и не были замечены таджикской лингвистической традицией.

Идо демонстрирует детальное знакомство с литературой о таджикском языке, написанной в XX и XXI вв., в том числе с русскоязычной и таджикской лингвистическими традициями. Для фонетических транскрипций автор использует Международный фонетический алфавит, что, по нашему мнению, является существенным достоинством рецензируемой главы.

За обсуждением истории кодификации таджикской системы письма следует подробное описание некоторых вокалических процессов. В частности, Идо уделяет несколько страниц изменению /ʊ/ в /ə/ и /ɔ/ в /o/; этот переход он называет «chain shift» 'сдвигом по цепочке' (хотелось бы экспликации того, почему это именно цепочечное изменение; видимо, имеется презумпция, что /ʊ/ и /o/ занимают одно и то же место в таджикском вокалическом пространстве). На с. 65 упоминается⁵ гипотетическая возможность предотвращения этого цепочечного сдвига таджикским правительством, однако непонятно, действительно ли представима ситуация, когда система фонологических оппозиций эффективно регулируется юридически (особенно в свете следующих далее фактов о вариативности в реализации рассматриваемых фонем в речи образованных носителей литературного таджикского). После обсуждения этого цепочечного сдвига следует два коротких абзаца с описанием фарингализации, а завершают вокалическую часть несколько подразделов о длительности таджикских /i/ и /u/. После обзора аргументов за и против присвоения этим фонемам количественных характеристик на фонологическом уровне Идо приводит собственные данные, призванные опровергнуть существование контраста по количеству. Этот вывод, вполне возможно, верен; однако для изучения длительности сегментов необходимо дополнительно контролировать темп речи и прочие условия произнесения — неясно, было ли это сделано при анализе. Вероятно, стоило бы опираться не только на абсолютные измерения, но и на относительные, которые могли бы компенсировать часть нежелательных эффектов (таких как темп речи).

⁵ «Had Tajik government officials tried to prevent the standard vowel system from undergoing the chain shift...».

Часть, посвященная системе согласных, касается лишь фонологического статуса отдельных маргинальных сегментов (/ʈ ʒ ʔ ɐ/), а также VOT. Общим недостатком главы можно назвать недостаточное число примеров. Так, при обсуждении вопроса о статусе /ʈ/ упомянуто лишь два слова: *конститутсия* ‘конституция’ и *консенсия* ‘концепция’. Остается ряд вопросов — от весьма банальных типа “Есть ли еще слова с /ʈ/?” до более сложных типа “Как распределены аллофоны [s] и [ʈs] на месте исходного /ʈ/?”. В дискуссии о /ʔ/ в качестве одного из свидетельств в пользу существования гортанной смычки как фонемы приводится (с. 84) динамическая спектрограмма и осциллограмма слова *возеъ* ‘основатель’, произнесенного в изоляции образованным носителем мужского пола. На приведенных изображениях действительно заметно, что в конце гласного происходит смена фонации на скрипучий голос. По мнению автора главы, присутствие [ʔ] или скрипучего голоса там, где на письме есть ь, может быть использовано как аргумент в пользу существования /ʔ/ в произносительной норме литературного таджикского. С этим, тем не менее, трудно согласиться: помимо того что требуется более комплексное рассмотрение проблемы на широком материале (в том числе не в изолированной позиции), необходимо еще показать, что использование скрипучего голоса в конце фразы (а изолированное произнесение может получать фонетическое оформление высказывания) — это не просодическое явление, а именно реализация глубинной /ʔ/ (ср. *phrase-final creak*, также известный как *vocal fry*, в американском английском [Garellek 2015]). Завершает часть, посвященную сегментным единицам, краткое описание VOT в литературном таджикском (на предварительных данных подтверждается противопоставление серии глухих придыхательных звонким непридыхательным).

В целом глава затрагивает проблемы, нечасто обсуждающиеся в фонетической литературе о таджикском языке, и таким образом представляет собой ценный материал. Кроме того, в главе дано соответствующее стандартам МФА описание сегментного состава литературного таджикского языка, что едва ли было сделано ранее на столь же высоком уровне. Несмотря на это нельзя сказать, что она вполне соответствует ожиданиям от очерка с названием «Фонология литературного таджикского языка». Во-первых, не освещен целый ряд важных вопросов таджикской фонетики и фонологии; особенно это ощущается в связи с консонантизмом, который имплицитно (а местами и эксплицитно, как на с. 78) назван тривиальным (по нашему мнению, незаслуженно). Необходимо было бы описать динамические процессы — конечную нейтрализацию (в частности оглушение), различные ассимиляции; полностью отсутствует описание фонотактики; не освещен, например, интересный сюжет о сохранении оппозиции между увулярным взрывным /q/ и фрикативным /k/, ср. литературный персидский, где это фонемное противопоставление скорее утеряно. Во-вторых, создается впечатление, что текст представляет собой в большей степени набор частных сюжетов, интересных автору (например, подробно рассматривается история кодификации таджикской орфографии или цепочечный сдвиг гласных), но не отвечает общим задачам, поставленным в аннотации и названии. Таким образом, читателю, желающему ознакомиться с очерком таджикской фонетики и/или фонологии, по-прежнему остается рекомендовать такие работы, как, например, [Соколова 1949] или [Windfuhr, Perry 2009]; рецензируемую главу стоило бы рассматривать как полезное дополнительное чтение.

Главы 3 и 4 рецензируемого сборника посвящены глагольным категориям таджикского языка: модальности и наклонению, времени и аспекту, соответственно. В главе 3, «Modality and mood in Tajik», Сепиде Кухкан (Sepideh Koohkan) и Рухолла Мофиди (Roohollah Mofidi) рассматривают модальность в таджикском языке, основываясь на классификации Яна Нейтса, — ср., например, [Nuyts 2006] — которая обсуждается в разделе 2. В разделе 3 содержится обзор литературы по модальности в таджикском языке; в конце раздела дается таблица с обобщением основных существующих классификаций. В разделе 4 авторы рассматривают те элементы таджикского языка, которые они считают модальными, причем классифицируют их по частям речи: вспомогательные

глаголы (4.1), модальные наречия (4.2), модальные прилагательные (4.3), модальные существительные (4.4), модальные лексические глаголы (4.5), модальные предложные группы (4.6). В разделе 5 авторы предпринимают попытку классифицировать таджикские выражения по их семантике, последовательно рассматривая способы выражения эпистемической модальности (5.1), деонтической модальности (5.2) и динамической модальности (5.3). Наконец, в разделе 6 авторы обсуждают вопрос о числе наклонений (т. е. грамматализованных способов выражения модальности) и способах их выражения в таджикском языке.

Глава 4 «Aspect in Tajik» за авторством Рухоллы Мофиди (Ruhollah Mofidi) и Негин Мохаммади Нафчи (Negin Mohammadi Nafchi), посвящена аспекту в таджикском языке. Авторы рассматривают статус немаркированных (т. е. беспрефиксальных) перфективных форм (раздел 2), причем в подразделе 2.2 они приводят исторический комментарий о существовавшем в классическом персидском перфективном префиксе *bi-*. В следующем разделе обсуждается статус имперфективного показателя *ме-*: показано, что в современном таджикском он уже является префиксом (3.2), описываются его интерпретации — актуально-длительная, хабитуальная, футуральная и ирреальная (3.3), ограничения на его употребление с глаголами *будан* ‘быть’, *доштан* ‘иметь’ и *боистан* ‘быть должным’. Если рассмотренные выше явления в целом характерны для всех языков персидско-таджикского континуума, то в разделе 4 описывается аспектуальная конструкция, специфичная именно для таджикского: прогрессив с глаголом *истодан* ‘стоять’. В разделе 5 дается краткий обзор других, менее изученных аспектуальных конструкций таджикского языка, с различными вспомогательными глаголами, которым свойственны разные степени грамматикализации и интерпретации, связанные прежде всего с различными фазовыми значениями. К сожалению, обзора значений каждого из перечисленных в статье вспомогательных глаголов не приводится; обсуждаются лишь несколько конструкций с глаголами *истодан* ‘стоять’ (со значением континуатива, т. е. продолжения события), *шудан* ‘становиться’ и *додан* ‘давать’ (со значением комплетива), *гирифтан* ‘брать’ (со значением инцептива), однако даже для этих конструкций дается лишь несколько примеров, без более подробного обсуждения их значений. Следует, впрочем, признать, что эти конструкции в таджикском языке практически не изучены. Наконец, в разделе 6 приводится сопоставление форм перфектива, имперфектива и прогрессива в языках персидско-таджикского континуума. Так, приводятся хорошо известные факты о происхождении имперфективного префикса *ме-* и его распространении, а также о развитии в таджикских диалектах прогрессивной конструкции с глаголом *истодан*.

Кратко пересказанные выше главы содержат большое количество систематизированных данных таджикского языка и ряд интересных идей, касающихся описания системы таджикских глагольных категорий. Однако они не лишены серьезных недочетов, главным из которых является недостаточно продуманная логика изложения. Глава в обзорном сборнике, претендующем на полноту охвата данных современной науки, как кажется, должна содержать данные в таком виде, чтобы читатель, не знакомый с предметной областью, мог получить достаточно полное представление о ней. Это, к сожалению, вряд ли возможно сделать, прочитав упомянутые главы. Прежде всего, в них (как и в сборнике в целом) отсутствует систематическое изложение таджикской глагольной морфологии. Читая главу 3, читатель не получает представления о том, каковы вообще имеющиеся в таджикском языке возможности морфологического выражения глагольных категорий, и поэтому ему трудно оценить, насколько специализированными являются те или иные рассматриваемые формы и конструкции, — ведь, как известно, система грамматических категорий в любом языке строится не только на семантике тех или иных форм, но и на том, в какие оппозиции они вступают. Так, таблица в главе 3, обобщающая подходы к модальности в предшествующей литературе, не очень содержательна, так как в ней даются лишь ярлыки для обозначения наклонений (Indicative, Imperative, Conditional, Inferential и т. д.) без указания на то, каким парадигмам эти

ярлыки соответствуют. В главе 4 также отсутствует полное изложение аспектуально-темпоральных форм таджикского языка; глава начинается с обсуждения префикса *ме-*, но читатель не имеет информации о том, каковы, например, наборы окончаний, присоединяющихся к различным основам; какова парадигма кратких и полных форм глагола *будан* ‘быть’ и т. д. Некоторые из этих сведений вводятся авторами по ходу изложения, но это делается непоследовательно.

Отдельные темы и вовсе оказываются искусственно разделенными между главами. Так, вопросы о статусе *ме-* как показателя индикатива и о немаркированных формах от основы презенса как сослагательного наклонения обсуждаются в главе 3; тот же префикс рассматривается в главе 4 уже как аспектуальный показатель; здесь же обсуждается вопрос аспектуального статуса беспрефиксальных форм. При этом какие-либо перекрестные ссылки между главами отсутствуют. Все это, как кажется, может только запутать читателя, не знакомого с обсуждаемой проблематикой.

По-видимому, авторы глав 3 и 4 рассчитывали на читателя, уже знакомого в целом с грамматикой таджикского языка, и сосредоточились на обсуждении вопросов более высокого уровня. Читателю же, для которого эта тема является новой, для понимания их содержания приходится прибегать к другим источникам, например к справочной грамматике [Perry 2005]. Это обстоятельство существенно снижает ценность сборника как обобщающего, вводного текста о таджикском языкознании: для исследователей, незнакомых с областью, не хватает базовых сведений о таджикском языке; специалистам, наоборот, тех данных, которые содержатся в рассматриваемых главах, будет недостаточно.

Неоднозначную реакцию вызывает также следование авторов главы 3 определенной теоретической парадигме. Авторы во многом справедливо критикуют традиционные подходы к модальности и наклонению, опираясь вместо этого на подход Нейтса. Само по себе это не вызывает серьезных возражений, однако в результате глава не включает ряд тем, которые читатель ожидает увидеть во вводном тексте о таджикской модальности. Так, на с. 112 авторы выносят выражения со значением разрешения (*Можете войти.*) и наложения обязательств (*obligation*, *Вы должны выйти*) за рамки модальности, относя их к «директивам». Возможно, это и оправдано с теоретической точки зрения, но едва ли обзорная статья о модальности может обойтись без обсуждения таких значений — тем более что они часто выражаются теми же конструкциями, что возможность и долженствование (ср. русские переводы). Кроме того, ниже авторы все же рассматривают императив (раздел 6.2), что еще более запутывает читателя — не должен ли он, по логике авторов, также исключаться из рассмотрения? Опираясь на свое понимание подхода Нейтса, авторы также отказываются рассматривать в главе элементы с этими значениями, прежде всего глагол *хостан* ‘хотеть’. Такое мнение может иметь свои теоретические основания, но в обзорной статье читатель ожидает увидеть прежде всего изложение тех явлений, которые большинство авторов относят к модальности. В рецензируемом же сборнике семантическая зона желания вообще не получает рассмотрения ни в одной из глав⁶. Как кажется, в этих случаях в жертву теоретическому подходу была принесена ясность и полнота изложения.

Недостаточно обоснованными представляются также границы класса модальных вспомогательных глаголов (*modal auxiliaries*) по версии авторов статьи. Отнесение *боистан* ‘быть нужным’ и *шудан* ‘становиться’ (в значении возможности) к этому классу не вызывает вопросов, т. к. эти предикаты, в особенности *боистан*, представляются достаточно грамматикализованными в модальном значении. Однако третьим вспомогательным глаголом в таджикском языке авторы считают *тавонистан* ‘мочь’, хотя, как отмечают сами авторы, этот глагол имеет полностью регулярную парадигму и ведет себя как обычный

⁶ Интересно, какое решение предложили бы авторы, если бы в таджикском, как в некоторых других иранских языках, имелось желательное наклонение (оптатив). В рамках их системы, видимо, оптатив нельзя считать наклонением; но к какому классу тогда следует относить эту категорию?

матричный глагол. К вспомогательным глаголам его решено отнести на основании двух критериев из [Heine 1993: 22–23]: во-первых, он соответствует семантической зоне модальности; во-вторых, он «не является ни явным образом лексическим, ни явным образом грамматическим элементом»⁷. Неясно, почему *тавонистан* оказывается «ни лексическим, ни грамматическим» элементом, тогда как, например, *эхтимол доштан* ‘быть вероятным’, *мачбур шудан* ‘быть должным’ не рассматриваются авторами в качестве вспомогательных и обсуждаются в разделе 4.5 как «лексические модальные глаголы» (lexical modal verbs). Критериев разграничения лексических и вспомогательных глаголов авторы не приводят, однако имплицитно предполагается, что вспомогательными считаются простые глаголы, тогда как лексическими — сложные. С таким подходом сложно согласиться: ни одно из известных нам определений вспомогательного глагола не исходит из его простого или сложного статуса — в типологической перспективе это и вовсе невозможно, т. к. между этими классами не может быть проведено универсальной четкой границы.

Спорным решением оказывается и избранная для главы 3 структура. Авторы предпочли идти от формы к содержанию, т. е. организовать изложение на основании формальных классов модальных показателей, но не на основании их значений. Прежде всего это касается раздела 4, «Modal elements of Tajik», в котором последовательно рассматриваются вспомогательные глаголы, модальные наречия, модальные прилагательные, модальные существительные и модальные лексические глаголы. Этот материал, безусловно, представляет некоторую ценность для исследователей таджикского языка. Однако само отнесение слов к этим классам достаточно условно: это уже обсуждалось выше для лексических и вспомогательных глаголов, но не в меньшей степени это касается существительных, прилагательных и наречий. Это вносит в текст статьи некоторую запутанность и избыточность. Например, *эхтимол* ‘вероятность’ рассматривается в статье дважды: один раз как элемент модального наречия (*ба*) *эхтимол*⁸; другой раз — как самостоятельное существительное (с. 140). При этом последнее описывается как используемое чаще всего в составе предикативной формы *эхтимол аст (ки)* ‘вероятно, (что)’, т. е. по своей функции оказывается ближе к модальному глаголу.

Еще один существенный недостаток такого подхода к изложению состоит в том, что он не дает читателю понять, как именно организована модальная система таджикского языка. Видимо, понимая это, авторы добавили в состав статьи раздел 5, «Expressing modality in Tajik», однако принцип, по которому в этот раздел включались выражения из предшествующего раздела, неясен. На с. 163–164 представлена обобщающая таблица, в которой рассмотренные в главе модальные средства распределены по семантическим классам модальности. Однако выделенные модальные классы слишком широки (ср. название раздела «Событие [в оригинале SoA, state of affairs — авторы] возможно, вероятно или маловероятно»⁹, что можно было бы разделить на три различных класса). В результате, например, тройка вспомогательных глаголов *бояд*, *тавонистан*, *шудан* фигурирует сразу в трех строках таблицы, и читателю приходится возвращаться к различным разделам статьи, чтобы установить точную дистрибуцию этих предикатов. Включенные в таблицу модальные средства также никак не размечены по их частотности и стилистической маркированности; не указаны частные модальные значения, которые они выражают внутри выделенных модальных зон. Например, в таблицу вошло упомянутое выше наречие (*ба*) *эхтимол*, но не вошло существительное *эхтимол* (в составе предикатива *эхтимол аст*), хотя оба выражения, по словам авторов, употребляются редко. Интересно, что глагол *эхтимол доштан* ‘быть вероятным’ (букв. ‘иметь вероятность’) вошел в одну и ту же клетку таблицы

⁷ “...It is «neither clearly lexical»... «nor clearly grammatical»” (с. 120).

⁸ В соответствии с их логикой, авторы могли бы включить и третье вхождение *эхтимол*, разделив «наречие» *эхтимол*, «существительное» *эхтимол аст* и предложную группу *ба эхтимол*.

⁹ “SoA is possible, probable or improbable.”

дважды — неясно, что имели в виду авторы, так как в тексте статьи для него описывается только одно значение (вероятность события). При этом в таблицу включено наречие *балки* ‘может быть’, насчет отнесения которого к модальным авторы сомневаются (с. 128–129).

Таким образом, для того чтобы получить систематическое представление об устройстве модальности в таджикском языке, читателю придется проделать работу, сравнимую с самостоятельным обзором литературы по этой теме.

Глава 4, посвященная аспекту, выглядит более структурированной. В ней авторы преимущественно сосредоточились на двух вопросах: с одной стороны, на противопоставлении имперфектива (префикс *ме-*) и немаркированного перфективного аспекта; с другой стороны, на прогрессивной конструкции с глаголом *истодан*. Выбор именно этих тем выглядит достаточно оправданно: в первом случае мы имеем дело с базовой аспектуальной оппозицией, характерной для всех языков персидско-таджикского континуума; во втором — с одной из наиболее характерных черт, отличающих таджикский от персидского и дари. Семантика этих конструкций описана достаточно подробно, а представленное в разделе 6 междиалектное сопоставление дает важную историческую и типологическую перспективу. Впрочем, немного огорчает, что авторы ограничились классическим персидским, современным персидским, таджикским и дари, не учитывая данных других западноиранских языков. Например, весьма необычно развитие аспектуально-темпоральных форм в татских языках [Грюнберг 1963; Authier 2012; Suleymanov 2020], где старый имперфектив на *те-/ми-* превратился в преимущественно модальную форму, а для имперфективных конструкций была грамматикализована новая конструкция на базе инфинитива. Наконец, для исследователя, желающего ознакомиться с формами прогрессива в иранских языках, [Vafaeian 2018] является гораздо более полным и полезным обзором.

При этом в главе 4 совершенно не получают рассмотрения другие конструкции, важные для грамматики таджикского языка. Так, не описана подсистема перфекта, играющая в таджикском центральную роль; соответствующие формы лишь упоминаются при обсуждении *ме-* и прогрессивной конструкции с *истодан*. Эвиденциальная функция упоминается лишь единожды в рамках ярлыка, который дается в [Windfuhr, Perry 2009: 468] для формы *расида истода асм* (evidential progressive pluperfect)¹⁰. Между тем эвиденциальность является важнейшей типологической особенностью персидско-таджикской глагольной системы, помещающей языки этой группы в т. н. евразийский пояс эвиденциальности (evidentiality belt) [Plungian 2010]. Некоторые формулировки авторов могут вовсе запутать читателя. Так, на с. 189 форма *ме-хур-д-а=ам* переведена как ‘I have been eating’. Хорошо известно, что такие формы уже не имеют собственно перфектной функции и используются лишь как эвиденциальные, см. хотя бы [Perry 2005: 227ff.]. Таким образом, и в этом случае более ранние — и при этом вполне доступные для широкого круга лингвистов — источники оказываются более надежными, чем рецензируемая глава.

Другая серьезная проблема рассматриваемых глав связана с источниками данных. Если глава 4 основана целиком на опубликованных источниках, то в главе 3 привлекаются также данные современного разговорного языка. Однако удивляет, что материал собран только у одного носителя, причем авторы дают следующее объяснение: «...мы потеряли связь с большинством наших информантов (10 мужчин и 10 женщин) и не смогли завершить весь набор наших анкет и собеседований с большинством из них. В результате мы решили использовать данные только от одного информанта, собеседования с которым были

¹⁰ На последнее замечание можно было бы возразить, что эвиденциальные значения форм не входят в тематику статьи, которая посвящена таджикскому аспекту. Но эвиденциальность в таджикском, как и в ареально связанных с ним языках, неотделима от аспекта. Описание таджикских аспектуально-темпоральных форм, не упоминающее эвиденциальность, является столь же неполным, как описание русской глагольной системы, игнорирующее категорию вида.

завершены полностью»¹¹. Такой подход был бы объясним для миноритарного и исчезающего языка, но невозможность найти нескольких консультантов для языка с 14 000 000 носителей выглядит странно. Кроме того, в обеих главах удивляет отсутствие корпусных данных. Возможно, авторам неизвестно, что с 2019 г. существует Национальный корпус таджикского языка (<https://tajik-corpus.org/>) объемом 40,8 млн словоупотреблений, снабженный автоматической морфологической разметкой. Использование корпусных данных было бы особенно полезно для главы 3, т. к. позволило бы оценить реальную частотность модальных выражений в современных текстах. Приведем несколько примеров. В сноске 9 на с. 119 авторы пишут, что им не удалось найти примеры, где отрицается и вспомогательный глагол *бояд* ‘должен’, и лексический глагол. Однако в корпусе такие примеры, хотя и в небольшом количестве, присутствуют, причем они чаще имеют семантику одианного отрицания, например: ...*ва ҳеҷ кас ҳатто набояд заррае шубҳа накунад, мо омодаем, ба ҳама гуна ҳодисаҳо ҷавоби сазовор диҳем* ‘Никто не должен испытывать (букв. «не испытывать») и малейшего сомнения, что мы готовы дать достойный ответ на любое событие’ («Спутник Таджикистан»¹², ср. оригинал: ...*не дать никому повода даже в малом сомневаться, что мы готовы дать достойный ответ на любые посяательства на нашу страну, на ее независимость, на ее курс*¹³). Далее авторы пишут, что *байд* *bāyad* встречается в сочетании с *توانستان* *tavānestan* ‘мочь’ в персидском языке, но соответствующее сочетание в таджикском им не встретилось. Однако в корпусе такие примеры довольно частотны: *ту бояд гуноҳи модаратро бахшида тавонӣ* ‘ты должен суметь простить ошибку твоей матери’ (Зебо: Шохиди хиёнат, 02.01.2022).

В главе 4 встречается меньше утверждений, связанных с количественной оценкой тех или иных конструкций или интерпретаций (что, впрочем, связано с ее меньшим охватом), однако и в ней можно найти высказывания, легко проверяемые при помощи корпуса. Так, о форме *ме-буд* (прошедшее время глагола ‘быть’ с имперфективным префиксом) сказано, что она «не частотна, однако о ее частотности не сообщается»¹⁴ (с. 206). Но это легко проверить по корпусу: в нем встретилось 2418 примеров таких форм (59,26 на 1 млн словоупотреблений), что говорит о том, что форма, действительно, не входит в число самых частотных, но и не столь редка, как может показаться из написанного в статье.

Приведенных нами примеров достаточно, чтобы показать, что отсутствие корпусных данных является серьезным недостатком рассматриваемых глав рецензируемой монографии. Оно приводит как к не вполне точным, так и к попросту ложным утверждениям. Пренебрежение легкодоступным представительным корпусом с морфологической разметкой в современных условиях, тем более в статьях в обзорном сборнике, не может быть оправдано.

Удивляет также некоторая небрежность в оформлении глав, которая свидетельствует об отсутствии внимательной редакторской работы. Наиболее ярким примером является оставшийся в печатной версии диалог между авторами и редактором в сноске 11 на с. 119. Таджикские выражения не всегда выделяются курсивом; так, на с. 140 *éhtimol* дается курсивом, а *imkon / imkoniyat* ниже — прямым начертанием. Между двумя главами также встречаются достаточно серьезные расхождения в трактовке и глоссировании ряда показателей, что особенно удивляет, учитывая, что у глав есть общий соавтор. Так, в главе 3 показатель прямого дополнения =*po* и посессивные показатели глоссируются как клитики, в главе 4 — как аффиксы. Немаркированность форм 3 л. ед. ч. трактуется по-разному:

¹¹ “Moreover, we lost contact with most of our informants (10 males and 10 females) and we were unable to complete our full set of questionnaires and interviews with most of them. As a result, we opted to only use data from one informant, whose interviews were completed.”

¹² <https://sputnik.tj/20220326/medvedev-rusiya-siloh-hastai-1047088719.html>.

¹³ <https://ria.ru/20220326/medvedev-1780208448.html>.

¹⁴ “This form is infrequent, but there is no report on its frequency rate.”

в главе 3 используется нулевой суффикс ($\emptyset$) с глоссой 3SG, тогда как в главе 4 такой суффикс не выделяется, и признак 3SG глоссируется в квадратных скобках. Изафетный показатель, который в главе 3 глоссируется как EZ, в главе 4 по необъяснимым причинам глоссируется GEN (что, на наш взгляд, может запутать читателя, не знакомого с изафетной конструкцией — которая, кстати, в рецензируемой книге нигде не освещается).

Подводя итог, еще раз отметим, что основным недостатком глав 3 и 4 является неясность их целевой аудитории. Читателя, незнакомого с таджикским языком, они скорее всего только запутают, так как в них отсутствует общая перспектива таджикской глагольной системы и обсуждаются лишь частные вопросы. Для специалистов же эти главы недостаточно подробны и надежны, так как основаны на ограниченном массиве данных и содержат ряд неточных и даже неверных утверждений. Для читателя, интересующегося таджикским глаголом, основным источником по-прежнему остается справочная грамматика [Perry 2005]. Сравнительный обзор языков персидско-таджикского континуума содержится в [Windfuhr, Perry 2009]; о формах прогрессива наиболее актуальным источником является [Vafaeian 2018], тогда как информация о связи между категориями перфекта и эвиденциальности, в том числе на ареальном фоне, содержится, в числе прочих, в работах [Perry 2000; Bubenik, Ziamajidi 2018; Nilsson 2022].

Глава 5 «Tajik Sign Language in context» была подготовлена Джастином М. Пауэром (Justin M. Power) с целью описать возникновение и начальное становление таджикского жестового языка (ЖЯ), а также провести сравнение его лексики с лексикой русского и афганского ЖЯ. В целом глава посвящена вопросам не лингвистическим, а историческим; языковая составляющая играет минимальную роль и связана прежде всего с размышлениями о различиях в эволюции жестовых и звучащих языков. Автор подробно рассматривает гипотезы о возникновении таджикского ЖЯ и помещает их в типологический контекст. В частности, рассматривается связь с русским ЖЯ, который мог оказать на него сильное влияние; сопоставление лексики таджикского и русского ЖЯ дает свидетельства в пользу этой гипотезы.

Выбор афганского ЖЯ для проведения сопоставительного лексического исследования может показаться не вполне очевидным: автор сам признает, что большая часть носителей таджикского ЖЯ, вероятнее всего, сосредоточена в районе Душанбе и Худжанда, центров образования для глухих в Таджикистане (с. 251). Оба эти города расположены на существенном удалении от Афганистана, а в истории развития таджикского ЖЯ массовые контакты с носителями афганского ЖЯ не зафиксированы (во всяком случае по данным рецензируемой главы). По-видимому, выбор этого языка для сравнения обусловлен личным опытом Пауэра, который работал в Афганистане (с. 249). Конечно, сопоставительное исследование лексики и в этом случае не лишено смысла, однако результаты могли бы быть существенно интересней, будь выбор сравниваемых идиомов более обоснован.

Глава 6 за авторством Л. Р. Додыхудоевой (Leyli R. Dodykhudoeva) «Tajik dialects of Badakhshan and Shughnani: A comparative perspective» представляет собой обзорный анализ лексических и грамматических черт, общих для таджикских диалектов Бадахшана (западноиранские) и памирских языков (ареальная общность внутри восточноиранской группы). Главу можно разделить на несколько частей; каждая из них соответствует нескольким разделам в авторском оглавлении.

Первая часть представляет собой обзор социолингвистической ситуации в таджикском и отчасти афганском Бадахшане, приведен подробный список языков и диалектов, место и время их распространения. Данное описание соответствует сложившимся представлениям о таджикской диалектологии и опирается на существующие исследования в этой области. Оно также снабжено исчерпывающими таблицами с перечислением языков, диалектов, говоров и мест их бытования, а также картами, составленными Ю. Б. Коряковым.

Во второй части читателя знакомят поочередно с фонемным составом таджикского и шугнанского языков, приводятся некоторые шугнано-таджикские параллели, в частности нехарактерные для таджикского фонемы, встречающиеся в заимствованиях из памирских

языков. Также в этой части обсуждается транскрипция, которая использована автором для записи языкового материала. Несмотря на общую последовательность (за одним исключением¹⁵), нельзя назвать избранный способ записи удачным. Так, в этой записи фонетическая транскрипция (ts) соседствует с иранистической (x), а в отдельных случаях с авторской (ç). В результате затруднено чтение примеров. Мотивацию такого решения не совсем удается проследить: ts пишется вместо принятой для памирских языков записи c, хотя символ c не используется для записи никакой другой фонемы.

Третья часть посвящена сравнительному анализу ряда грамматических категорий памирских языков и таджикских диалектов Бадахшана. Это лексический род, число, определенность / неопределенность, степени сравнения прилагательных, образование числительных (рефлексы двадцатеричной системы счета). Большинство памирских примеров — из шугнанского языка, крупнейшего в памирском ареале и *lingua franca* региона. Этот фокус считывается и из названия главы. Тем не менее в тексте представлены и другие памирские языки, в частности вымерший старованджский, распространенный некогда в Вандже и Дарвазе (сейчас область бытования ванджских и дарвазских говоров таджикского, юго-восточная группа диалектов). В этой части автор также рассматривает памирскую (старованджскую) субстратную лексику в ванджском (в первую очередь) и дарвазских говорах таджикского как источник грамматических влияний. В главе анализируется фонологический и морфемный состав субстратных слов, приводятся соответствия в памирских языках.

В четвертой части преимущественно проанализирована лексика рассматриваемых языков и диалектов. Лексика разбита на группы: счетные слова; слова, обозначающие традиционные меры веса и длины; термины родства; а также различные фразеологизмы. Сопоставительный анализ общей для языков Бадахшана лексики иногда сопровождается реконструкциями праформ и указанием источника заимствования. Для терминов родства дана сводная таблица. В этой же части приведен обзор типов словообразования, на материале ряда примеров утверждается сближение этих типов в таджикских диалектах и шугнанском языке.

Завершающая глава пятая часть представляет собой анализ источников и путей заимствования лексики из восточноиранских языков в таджикские диалекты и наоборот, а также из тюркских и арабского в рассматриваемые иранские языки. Хотя в предыдущих частях работы заимствованная лексика также обсуждалась, здесь автор обращается к этой теме более структурно. В этой части упоминаются фонологические изменения, позволяющие определить источник заимствованной лексики, для каждого раздела даются примеры.

В работе присутствуют некоторые опечатки. Помимо упомянутого нами *pīṣ/pīc* (с. 353), это реконструкция слова *čapč* ‘old worn-out shoes (старые поношенные ботинки)’ (пример b). В авторском тексте *čapč* < **zam-či* ‘to bend’ (гнуть), что не соответствует действительности; по-видимому, здесь случайно повторилась этимология из предыдущего примера: а) *zam(i)č* < **zam-či* ‘a plot of arable land (участок пахотной земли)’. На месте же **zam-či* ‘to bend’ в примере (b) должно было быть, как нам кажется, **čap-či* (ср. **čap-*, **čamp-* ‘сгибать(-ся), гнуть(-ся); быть неровным, кривым’, ср. [Расторгуева, Эдельман 2003: 226]). В списке литературы на с. 367 читаем на русском (транслитерация) *issledovanie ojkonimii*, что в переводе на английский ошибочно передано как *study of the homonymy*. Хотя эти неточности и портят общий вид работы, они не умаляют ее ценности.

Среди достоинств работы необходимо отметить обилие языковых примеров и в связи с этим доказательную ценность утверждений. Детальный подход к фиксации диалектов и говоров в первой части работы в таблицах и картах особо ценен: эта часть является по сути атласом таджикских диалектов Бадахшана. Работа затрагивает несколько крайне мало исследованных тем: это и место отдельных диалектов таджикского в памирской

¹⁵ На с. 353 видим две разных записи одного слова: *pīṣ-ter* и в качестве отклонения от избранного способа записи *pīc-ter*. Это различие является, как нам кажется, опечаткой.

ареальной общности, и анализ субстратной памирской лексики в таджикском, и знаковые черты, характерные для памирского ареала. Поэтому глава весьма актуальна. Мы хотели бы порекомендовать ее как ключевую работу, посвященную проблеме языковых контактов таджикского с памирскими языками. Для более детального ознакомления с отдельными вопросами исследования языков и диалектов памирского ареала и языковой конвергенции в Бадахшане читатель может обратиться к литературе, на которую ссылается сам автор, в частности к [Расторгуева 1964; Розенфельд 1964; Эдельман, Цивьян 2005; Лашкарбеков 2008].

В главе 7 «Linguistic landscape of Bukhara: The ambiguous future of Tajik» Диля Хасанова (Dilia Hasanova) представляет результаты собственного исследования языкового ландшафта многоязычного города. В основу исследования легли фотографии 99 вывесок, рекламных плакатов, билбордов в центре Бухары, интервью с жителями города, собственные наблюдения. Глава построена следующим образом: сначала дается исторический и социолингвистический контекст языковой ситуации в городе, затем описывается методология исследования, обсуждаются полученные результаты, в конце автор обозначает предварительные выводы.

В ходе исследования было установлено, что в языковом ландшафте Бухары доминирует русский язык, несмотря на то что его роль как официального языка была утрачена после распада Советского Союза. В то же время государственный узбекский язык занял третье место по репрезентации в городе (после русского и английского). При этом автор отмечает высокий престиж узбекского: таджикоговорящие бухарцы используют его как язык более высокого стиля в речах, благопожеланиях и поздравлениях. Несмотря на это, узбекский проигрывает русскому и английскому как языкам более привлекательным в области бизнеса и маркетинга. На русском и английском делают вывески, объявления и другие виды рекламы местные предприниматели. Таджикский язык не используется в городских вывесках вовсе, что, как указывает автор, не вызывает разочарования у местных жителей.

Диля Хасанова предлагает в своей главе небезынтересные данные, хотя и предварительные. Сам автор отмечает, что исследование далеко от того, чтобы считаться завершенным, и требует больше данных и их анализа (с. 386). При этом некоторые утверждения автора представляются нам недостаточно обоснованными. Уже во введении (с. 371) автор заявляет: «Для большинства населения Бухары таджикский является родным языком»¹⁶. Это высказывание не подкрепляется ни собственными данными, ни ссылками на других исследователей. В действительности оценки исследователей расходятся, а подсчет усложняет многоязычие, языковая и национальная идентичность самих бухарцев, ср. [Rezvani 2013]. Там же: «До 1991 года страна входила в число республик Советского Союза и первой (наряду с Киргизией) объявила о своем выходе из состава СССР (31 августа 1991 года)»¹⁷. Это утверждение не соответствует действительности, ведь первым о выходе из состава СССР и «реализации полного суверенитета государства» объявил Верховный совет Литовской ССР (см.: Декларация Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта 1990 года № I-12 «Акт о восстановлении Литовского государства»).

На с. 374 значится: «После монгольского вторжения (XIII в.) тюркские языки стали исчезать в этом регионе»¹⁸. Однако там же: «Монгольское нашествие и приход Шейбанидов коренным образом изменили языковой ландшафт региона, привнеся в него тюркские языки»¹⁹. Два противоречащих друг другу высказывания возникли в тексте, по-видимому,

¹⁶ “The majority of local people of Bukhara speak Tajik (Tojiki) as their mother tongue.”

¹⁷ “The country was one of the republics of the Soviet Union until 1991 and was the first country (along with Kyrgyzstan) to declare its sovereignty from the USSR (August 31, 1991).”

¹⁸ “With the Mongol invasion (13th century), the Turkic languages started to vanish in this region.”

¹⁹ “The Mongol invasion and the arrival of the Shaybanids drastically changed the linguistic landscape of the region, bringing the Turkic languages into the region.”

из-за того, что в первом предложении была допущена опечатка: «тюркские» вместо «иранские». На наш взгляд, следует читать: «После монгольского вторжения (XIII в.) *иранские* языки стали исчезать в этом регионе», что соответствует действительности. Автор в отдельных случаях допускает оценочные суждения, свойственные публицистическому стилю: «Усилия Узбекистана по продвижению узбекского языка в качестве официального языка страны вполне понятны, однако его пренебрежительное отношение к местным языкам должно быть пересмотрено, поскольку родной язык местного населения играет важную роль в формировании его уникальной идентичности»²⁰ (с. 386).

Глава 8, озаглавленная «Terminology in Tajik», подготовлена Мирзохасаном Султоновым (Mirzo Hassan Sulton) и, согласно аннотации, описывает достижения и историю формирования таджикской терминологии (с. 389); там же заявляется, что в главе будут приведены 14 принципов создания таджикских терминов, а также подчеркнута важность терминологического комитета в совершенствовании таджикской терминологии.

Из положительных сторон этого текста можно выделить то, что в нем перечислены основные сценарии формирования таджикских терминов (с. 395–399), причем каждый сценарий проиллюстрирован примерами. Стоит, однако, отметить, что большая часть этих примеров недостаточно прокомментирована. Например, для иллюстрации принципа 1 («Эффективное использование таджикского словника, сохраненного в научных и литературных трудах предков [ancestors] и в современном национальном языке») использован набор слов, который трудно назвать иначе как случайным: *замин* ‘земля’, *садаф* ‘жемчуг’, *сафед* ‘белок’, *заъфарон* ‘шафран’, *сулола* ‘династия’ и др. Хотелось бы понять, как принцип связан с этими словами.

Общая организация текста оставляет желать лучшего.

Во-первых, отсутствует деление на разделы, что усложняет понимание структуры статьи.

Во-вторых, сама эта структура не создает впечатления связного текста: сюжеты следуют друг за другом в случайном порядке, порой повторяясь или даже противореча друг другу. Так, на с. 394 сказано, что «таджикская терминология интенсивно развивалась в советский период, когда она приобрела кодифицированную систему под влиянием русского языка»²¹; в следующем же абзаце сообщается, что первое руководство по таджикской терминологии, утвержденное в 1936 г. и сохранявшее силу до 1970-х гг. (“[its principles] were to be observed until the 1970s”), «имело низкую научную ценность и являло собой препятствие для развития таджикской и национальной [Tajik and national] терминологии в XX в.». На следующей странице уже утверждается, что под влиянием советской идеологии и распространения русского языка использование таджикского в «науке и технологиях» было ограничено и приоритет был отдан русской терминологии. На с. 392 автор также констатирует, что «в советскую эпоху (...) национальные языки в большинстве советских республик отклонились от их естественного пути развития, таким образом теряя свой внутренний потенциал для обогащения. Таджикский не был исключением...» (интересно было бы ознакомиться с аргументами ко всем этим заявлениям). Хотелось бы понять, что все-таки происходило с таджикской терминологией в советский период — она интенсивно развивалась или страдала от советской идеологии и насаждения русского языка?

Структурное несовершенство текста заметно и в конце главы, где сразу после перечисления 14 принципов создания таджикских терминов без каких бы то ни было комментариев даны факты об истории комитета по терминологии. В последнем абзаце почему-то упомянуты три словаря, а заключение отсутствует.

²⁰ “While Uzbekistan’s efforts to promote the Uzbek as the official language of the country is understandable, its negligence towards local languages has to be reconsidered as local people’s mother tongue plays an important role in building their unique identity”. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

²¹ “Tajik terminology developed greatly during the Soviet era when it obtained a regulated system under the influence of Russian”. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

В-третьих, текст написан скорее как пространное публицистическое эссе, а не научная статья. Об этом свидетельствуют, например, оценочные и субъективные характеристики, используемые автором: *dissonant term* ‘негармоничный термин’ (с. 394), *very far from the grace of the Tajik syllable* ‘очень далек от изящества таджикского слога’ (ibid.), *euphonious primordial Tajik words* ‘ласкающие слух первозданные таджикские слова’ (с. 393). Нельзя сказать, что авторский стиль полностью отвечает требованиям даже к качественному публицистическому тексту. Это хорошо заметно, к примеру, на с. 394, где абзац, следующий за перечнем случайных терминов (данных для иллюстрации), начинается со слов *for example* ‘например’ и фраз, никак не связанных с этим перечнем. Острый недостаток редакторской работы ощущается и в связи с обилием опечаток и даже ошибок; приведем лишь некоторые: *methodis* вместо *method is* (с. 394); *a first manual* вместо *the first manual* (ibid.); *state langauge* вместо *state language* (с. 395); *a new* вместо *anew* (ibid.); *vocabulary* вместо *vocabulary*; *borrowing of terms from other* (sic!) *language are* (sic!) *nativized* (i.e., “Tajikized”) *in pronunciation* (формулировка принципа 13 на с. 398).

Наконец, ненаучность текста отражена в отсутствии аргументации ряда утверждений, порой ключевых. Выше уже рассматривался один из примеров; приведем еще один. На с. 391 утверждается: «Не секрет, что набор терминов любого языка отражает мысли и взгляды каждой нации, формируя основу для нового знания»²². Даже если отбросить нелогичность формулировки («набор терминов *любого* языка отражает мысли и взгляды *каждой* нации»), остается в тайне, почему это «не секрет», и что, собственно, автор имел в виду. Казалось бы, научные термины по своему характеру в первую очередь интернациональны и призваны обеспечивать единство взглядов ученых разных стран: вряд ли такой набор, как, например, *регидратация*, *кассация*, *дебет*, *грамматикализация*, специальным образом отражает мысли и взгляды российской, таджикской или какой-либо другой нации.

Рецензируемый сборник оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, некоторые статьи написаны на высоком уровне и дают достаточно полную и адекватную картину современного состояния соответствующих областей, внося существенный вклад в таджикское языкознание. С другой стороны, сборник «Tajik Linguistics» точно не соответствует своей онлайн-аннотации: в нем за некоторыми исключениями, о которых мы упоминали выше, представлены по большей части уже известные, а не «новейшие» факты (причем отобранные не всегда очевидным образом); об исчерпывающем описании таджикского языка, которое якобы представлено в рецензируемом издании, и вовсе не приходится говорить. Попытка создать сборник, посвященный таджикской лингвистике, конечно, заслуживает одобрения, но «Tajik Linguistics» едва ли можно назвать ее успешной реализацией. На наш взгляд, авторам будущих изданий похожего содержания следовало бы как минимум включить в сборник несколько обзорных глав, посвященных базовым аспектам таджикской грамматики. В частности, хотелось бы видеть главу о морфологии таджикского языка, в которой содержался бы обзор всех глагольных и именных парадигм. В области грамматической семантики сборнику недостает обсуждения эвиденциальности — одной из важнейших черт таджикского языка, имеющей ярко выраженные ареальные связи. Наконец, не нашли своего отражения такие фундаментальные синтаксические явления, как изафетные конструкции, показатели референциального статуса, употребление нефинитных форм и сослагательного наклонения. Без освещения этих феноменов немислимо полное описание таджикского языка и его отличий от персидского. Отдельное внимание стоило бы уделить разговорным вариантам таджикского языка, а также его небадахшанским диалектам.

²² “It is no secret that the set of terms of any language mirrors the thoughts and views of each nation, forming the basis for new knowledge”. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Грюнберг 1963 — Грюнберг А. Л. *Язык североазербайджанских татов*. Л.: Издательство АН СССР, 1963. [Grunberg A. L. *Jazyk severoazerbajdzhanskikh tatov* [Language of Northern Azerbaijani Tats]. Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1963.]
- Лашкарбеков 2008 — Лашкарбеков Б. Б. Старованджский язык (vanjivor). *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. Ефимов В. А. (ред.). М.: Восточная литература, 2008, 61–109. [Lashkarbekov B. B. Old Wanji (vanjivor). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Sredneiranskie i novoiranskie jazyki*. Efimov V. A. (ed.). Moscow: Vostochnaja literatura, 2008, 61–109.]
- Расторгуева 1964 — Расторгуева В. С. *Опыт сравнительного изучения таджикских говоров*. М.: Наука, 1964. [Rastorgueva V. S. *Opyt sravnitel'nogo izuchenija tadzhikskikh govorov* [A comparative study of Tajik dialects]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. II. М.: Восточная литература, 2003. [Rastorgueva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh jazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Vol. II. Moscow: Vostochnaja literatura, 2003.]
- Розенфельд 1964 — Розенфельд А. З. *Ванджские говоры таджикского языка*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. [Rozenfel'd A. Z. *Vandzhskie govory tadzhikskogo jazyka* [Wanji dialects of Tajik]. Leningrad: Leningrad Univ. Press, 1964.]
- Соколова 1949 — Соколова В. С. *Фонетика таджикского языка*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [Sokolova V. S. *Fonetika tadzhikskogo jazyka* [Tajik phonetics]. Moscow, Leningrad: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1949.]
- Эдельман, Цивьян 2005 — Эдельман Д. И., Цивьян Т. В. Основные черты Центральноазиатского языкового союза. *Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность)*. Алексеев М. Е., Эдельман Д. И., Гусев В. Ю. (ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2005, 189–203. [Edel'man D. I., Tsiv'yan T. V. *Jazykovye sojuzy Evrazii i etnokul'turnoe vzaimodejstvie (istorija i sovremennost')* [Main features of the Central Asian Sprachbund]. Alekseev M. E., Edel'man D. I., Gusev V. Yu. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2005, 189–203.]
- Authier 2012 — Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden: Reichert, 2012.
- Bubenik, Ziamajidi 2018 — Bubenik V., Ziamajidi L. The rise of the analytic Perfect aspect in the West Iranian languages. *Historical Linguistics 2017: Selected papers from the 23rd International Conference on Historical Linguistics, San Antonio, Texas, 31 July — 4 August 2017*. Drinka B. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2018, 273–292.
- Garellek 2015 — Garellek M. Perception of glottalization and phrase-final creak. *Journal of the Acoustical Society of America*, 137(2): 822–831.
- Heine 1993 — Heine B. *Auxiliaries: Cognitive forces and grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1993.
- Nilsson 2022 — Nilsson A. *Evidentiality in Tajik*. Ph.D. diss. Uppsala: Uppsala University, 2022.
- Nuyts 2006 — Nuyts J. Modality: Overview and linguistic issues. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2006, 1–26.
- Owens 2013 — Owens J. *The Oxford handbook of Arabic linguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Perry 2000 — Perry J. R. Epistemic verb forms in Persian of Iran, Afghanistan and Tajikistan. *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*. Johanson L., Utas B. (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2000, 229–258.
- Perry 2005 — Perry J. R. *A Tajik Persian reference grammar*. Leiden: Brill, 2005.
- Plungian 2010 — Plungian V. Types of verbal evidentiality marking: An overview. *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010, 15–58.
- Rezvani 2013 — Rezvani B. *Ethno-territorial Conflict and Coexistence in the Caucasus, Central Asia and Fereydan*. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2013.
- Ryding, Wilmsen 2021 — Ryding K., Wilmsen D. (eds.). *The Cambridge Handbook of Arabic Linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021.
- Sedighi, Shabani-Jadidi 2018 — Sedighi A., Shabani-Jadidi P. *The Oxford Handbook of Persian Linguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.

- Suleymanov 2020 — Suleymanov M. *A grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden: Reichert, 2020.
- Vafaeian 2018 — Vafaeian G. *Progressives in use and contact*. Ph.D. diss. Stockholm: Stockholm University, 2018.
- Windfuhr, Perry 2009 — Windfuhr G., Perry J. R. Persian and Tajik. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). London: Routledge, 2009, 416–544.

Получено / received 15.08.2023

Принято / accepted 26.09.2023

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 12.12.2023 Дата выхода в свет 26.12.2023
Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 17 Тираж 250 экз. Зак. 5/6а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1